

О понятии «образованный человек», оптимизации деревни до «наукоградов» и чтения до полного его отрицания

Слово «писатель» еще употребляется! Писателей нередко можно увидеть на телеэкране – хотя бы некоторых. Так сказать, всуе. А вот выражение «образованный человек» я в последний раз слышал краем уха, наверно, еще когда в универе или в аспирантуре учился. То есть с 2004 года ни письменно, ни устно не встречал ни разу. В советское время оно чуть ли не каждый день звучало... Чтоб на кого-то указали: дескать, вот образованный человек, учитесь, берите пример. Да просто чтобы мельком мелькнуло: мол, образованный человек, ну и хрен с ним. Что называется, исчезло из дискурса. Новые «бандитские» ценности как вступили в свои права в девяностые, так махрово и процветают, пусть уже и в иных, более утонченных цветочках и цветовой гамме. Но на деревенском менталитете все это видно особенно наглядно.

«Вон он, твой Прилепин-то, – каждый день его показывают!» И впрямь показывают – чудеса. И фамилию в деревне все выучили, и каков он на вид. И даже рассуждают: «А что он, твой Лимонкин-то, ему дал? (От меня уже и эту фамилию почти выучили!) Да ничего. А Путин вон сколько всего ему дал. И партия, и почет, и каждый день показывают!» – тут все во всем разбираются почище политологов, стендаперов и экспертов литературных премий.

«Вон он, поэт-то берёзовский, – алкаш, ходит побирается. Тоже стихи писал, даже в районной газете печатался!» При упоминании райгазеты указывают поднятым указательным пальцем вверх характернейший жест при всем здесь описанном, – то есть из тех же высших ценностей,

что и телевизор или джип изворотливого соседа-фермера. (Впрочем, теперь и родной районке изменили, выписывают все кругом желтушную дребедень типа «Жилья-былья» или «Меридиана».) Берёзовка – соседняя деревушка вымершая, теперь уж никого не осталось. Последним из могикан был безымянный поэт, Василий, кажется, ходил все по окрестностям в поисках выпивки или подработки. «То хоть дрова колол, – а теперь газ вон у всех. Марье Максимовне стихи подрядился написать на юбилей, взял бутылку авансом, а по дороге еще у кого-то стырить чего-то решил. Его так отделали, все зубы выбили, и уж ничего он больше не написал. Вот тебе и поэт!»

Прилепин, «Лимонкин», безымянный полуживой пиит – все они мои, из тех, кто занимается «не тем, чем надо». Но первый из них (или последний) – аз.

«Книжку он написал, – критикует мать, – да тут каждый мог бы такую написать! Люди работают, вкалывают – им не до книжек, зарабатывать надо. А так любой бы написал, что они, неграмотные, что ли? Ума, что ли, да таланта не хватит на такую дребедень! Тут у нас и сочинения писали вон какие, в районе отмечали. И стихи кто-то писал, в «Одноклассниках» выкладывали, в районке даже печатали. А ты что – родное село обхаял и доволен! Лимонхва да Коля Глухой, алкаши да бомжи, – нашел про кого написать! Написал бы про директора, про школу свою! На доске почета люди висят, кто действительно отличился!»

С книгой «Мир-село и его обитатели», выпущенной в 2017 году в «Эхме», я прославился, если не сказать – ославился, и на селе. Интернет уже до кого-то дошел и здесь, кое-что вызрело на черноземных грядках, и прокатился цельный бум – по иронии судьбы даже родителям пришлось претерпеть некую обструкцию. «Пастернака я, конечно, не читал, пастернак ваш не ел и подавно, но их обоих осуждаю!» Нашлась даже, сказывали, энтузиаст-

ка, что ездила по домам героев-прототипов с печатным экземпляром, каждому подчеркнутое указывала, красочно зачитывала! Вне контекста – во всех смыслах, что и говорить, вызвало возмущение. Уж ежели и во всем здесь люди знают толк, то уж словесная-то материя – родимая стихия, в ней тут каждый как рыба в воде, а заодно и как рыбак на берегу.

Мать, вы правильно поняли, в школе работает, а это народ столбовой, со своей Системой Координат, непоколебимой. И не советской отнюдь в чистом виде, а впитавшей все эти МБОУ, СОШ, ЕГЭ и прочее. «Культурные скрепы» – как называют те, кто привозит в эти школы учителям – даже сельским! – листовки и календари «Единой Партии». (Единой и единственной: раньше были ЛДПР, КПРФ, а теперь и на том спасибо. Листы сии с лицами долго после мельтешат пред глазами – используются по хозяйству.) И в центре этой аксиологической системы стоит давно не «образованная личность», а кое-кто другой. И продвигают этого Другого, эклектически слепленного, как в попсовой песенке девяностых, «из того, что было», нахрапом, агрессивно – как и все в деревне. Тут уже пиарщики и листовки не нужны, все на автомате.

Соберутся в учительской – единственный, акромья ларька, угасающий очаг соцжизни – и делятся жизненным опытом-мудростью, формуют образ. Вещи все простые, и пусть бы их делятся, только мне потом этим всем, как той селедкой чеховскому Ваньке или подмастерью Алёшке Пешкову, по сусалам. Солено, горько – учись, студент. «Вон Валерка-то Мадихин, тюря тюрей, а в городе уже, устроился очками на рынке торговать. Своя точка уже у него, через пять лет у кавказца выкупит... Эпотеку (это эпохальное понятие и слово с большой буквы «Э»!) с Лидкой своей взяли по программе «для сельской молодой семьи»! Вон Эдик-то Кобянкин в Питере прижил-

ся. В ресторане заграничном работает. Там такое, мать рассказывала: и банкетты, и хренеты, и мяса, и винегреты!.. («Фуршетты» еще не запомнились, но суть понятна.) И сам-то уже шеф-повар почти, и всякой всячины сколько остается! Лариска Раис Петровна – помощник юриста на конезаводе! А Ванька-то Снусляк – даже и тот охранником в Москве! На частном предприятии!»

Всегда, однако, есть это маленькое склизкое «почти», почти незаметное. «Да Лидка-то, она, правда, непутевая: не успеет с мужем поругаться, чуть слово ей скажет – все в «Одноклассниках» выкладывает, «ВКонтакте», и фотографии прям всякие... А Эдик-то, он того... Да хорошо, что хоть по всяким не шляется – со своим живет... компаньоном, оформить, говорят, хотят свои отношения... Зато хоть деньги заколачивают!..»

Литература и впрямь зыбчайшая из почв, как ни крути. Я уже и сам иной раз начинаю верить, что «каждый напишет»... Но то у меня хоть один козырь был в этих спорах. «Ну, я, по крайней мере, кандидат наук», – приходилось, чтоб закончить дискуссию, оправдываться под броневой натиском бесконечных примеров житейского успеха. Мне, конечно, указывали, что «специальность, ее подтверждать надо, а ты не работаешь, и она давно аннулирована». (То бишь пресловутая сия образованность сама по себе не сказать чтоб незыблема и неотторжима! Главное, как раньше говорили, корочки... и лучше с маслом.) Потом вдруг неожиданно оказалось, что в Мордовском районе – а это некий Центр Системы Координат, и не только для самого Мордовского района, как вы подумали! – уже есть несколько кандидатов каких-то наук. Чуть ли не филологических. Хотя редактор райгазеты много лет почему-то врач, зубной, что ли, техник... Не так чтобы я особенно удивился... Это раньше мы на кандидата наук или аспиранта смотрели как на по-

лубогов, а нынче их кругом дай дороги штампуют. Но почему-то в реальной жизни, к примеру в Анапе, и человека с университетским образованием встретить за редкость. И эта «новая пэтэушность» во всем сквозит: в уличном говоре и хамстве в транспорте, в вывесках и объявлениях на каждом углу, даже в мемориальных досках... А тут почти добился, чего хотел. Мордочкой ткнули: вот, мол, они, образованные люди, уже на марше в массе! Примеров, к счастью, не привели.

Но система образования, как мы знаем, «не стоит на месте»: тут вам и ЕГЭ, и ОГЭ, ГВЭ, и даже ОПГ с АУЕ какие-то где-то сбоку припекой... И вот недавно мне заявляют, что не только в районе, но и в самой Сосновке давным-давно полным-полно кандидатов наук всяческих! И примеры всяческие – самые невероятные. Будочкин, который ментом на Ляде работал!.. И тому подобное, абсурду подобное. Впрочем, что удивительного... Но для проформы я все же стал возражать, что речь, видно, идет о новоявленных «ученых степенях» магистра и бакалавра. (В Болонской сей системе, ухмыляюсь про себя, все бы теперь наши филфаковские кореша-знаменитости – О'Фролов, Славок, Синяк, Бешеный, – коих годами отчисляли-недоотчисляли, сплошь «магистрами» бы именовались да «бакалаврами»!..) Переспорить мне, однако, не удалось. Еще оказалось, что люди «и в Сколково уже участвовали своими инновациями», и «многие» в МГУ поступают по какой-то «сельской квоте». Двоечница Лерка в частной школе 30 тыщ околпачивает и уже «по высшей категории идет», едва ли не заслуженный работник образования! Жанка К. – во Франции играет на пианино! (Как-то скрыли они от системы народного образования свои способности – и впрямь не один я!) В общем, рассадник прямо какой-то Ломоносовых и Джобсов. Так что не только Мичуринск у нас

на Тамбовщине зовется гордо наукоградом, есть наукограды в русских селеньях – надо только присмотреться! Даром что дорога разбита до самого уже неприличия, клуб заглох, школа разжалована в девятилетку, последние учителя, кому еще не за семьдесят, уехали да всех учеников теперь десять (без всякого преуменьшенья!) гавриков, планируется «оптимизация» и дальше...

А вы говорите «поддержка» – моральная, а какая еще? – от родственников, знакомых, да еще и государства! В аспирантуре начал учиться – так и звучало за плечами «профессор кислых щей». Или «образование тебе дали!» – не унести. Но это ладно, можно считать за перифраз «образованного человека», да и первопроходец все же был «наукограда»... А за писания самовольные, «по безделью», меня еще и в самые молодые годы стали обрабатывать, когда еще пешком под стол ходил (то есть года в двадцать два, когда наконец-то зашла речь о том, чтоб выпустить мою первую книжку), и тут вдруг страшно и неминуемо открылось, что «глянь, и впрямь писатель уродился какой-то». Принялись в ту пору названивать из издательства «Амфора», меня не было, и разговаривали с матерью. Такого они, видать, понаслушались... «Состоявшийся, сложившийся автор» – даже записано на бумажку, – а шо это такое? Где надо отстояться, в каком стойле? Куда надо вложиться, чтобы войти в пазы и получить потом свои дивиденды? В советские годы читать заставляли («Учись, учись!..» – твердили вслед за Лениным), иные и добровольно почитывали – иной раз даже в деревне, библиотеки держались и в самом захудалом любом углу, писателей уважали – пусть исключительно пока за партией, на страницах учебников. Но в мои годы, в моем окружении все уже было не так, не совсем так, пошло-поехало... «Читаю» или «пишу» здесь ответить о занятиях – это все равно что «презервативы подши-

ваю». Лимонова тогда показывали изредка и мельком – в тюряге. Прилепина тогда, в 2001–2002 году, не было и в помине.

«Ну вот Гоголь, например, – распалившись, выпаливаю я, – Пушкин... Ленин и Карл Макс, в конце концов, – все они книги писали!» Всю жизнь – один и тот же диалог по кругу. Да это и не диалог уже... Бросать это надо (писательство изгойское), «закругляться». «Ну и что они написали – кому это нынче надо? Книги – что их писать? Вон их выкидывают все да сжигают. Цифровизация, не нужны теперь книги, на компьютерах вон все работают. А кому что нужно, молодежь в телефон вон смотрит, милое дело!»

С позиции «чисто жизни» здесь можно со многим согласиться. Капитализм ведь победил, школьных идеалов сто лет как нет, Ильич не подмигивает с первой букварной страницы, с портрета на стенке «б-ки»... Пушкин и Гоголь – их портреты еще уместны (да денег нет), но, в сущности, уже только портреты... Все это и сами-то семидесятилетние, которые «как все», не устаешь поражаться, давно за мудреными аббревиатурами позабыли, а семи- и семнадцатилетние – и во сне не видали. И впрямь сжигают и выкидывают, и действительно, идя по полупустому селу, несут, как факел, телефон или неотрывно в экранчик плятятся. Если убрать весь этот маскарад айфонов и планшетов – которые, в отличие от прочих «научных достижений», здесь пока не у всех, – что останется? Жрать, начальство почитать, деньгу заколачивать – верняк. От литературы, скажу я вам, и впрямь доходов круглый ноль. От «просроченных корочек» – такой же. Всей собственности у меня – кот, развалившийся комп да набор одежды, «еще с Москвы». Гламурная, как иногда пишут в комментариях, подхваливая, если не завидуя, синенькая кофточка на самом деле старше меня, еще отцова, ей 45 годков как минимум!.. Есть вроде бы и другие

примеры, но не буду перенимать привычки легковерной генетики постдеревни.

Когда мне снится, что я все же пришел в родную школу выступить – в учительскую почему-то, а не в согнанный с 3-го по 9-й единый «класс», – под ошарашенными знакомыми и незнакомыми взглядами я, вечный ученик, образовательно-литературно вопрошаю: «Ваш нынешний успешный, устроившийся человек, теперь даже уже и сельский, «подобье потеряв свое», отринув образ и подобие, подшившись другими смыслами – дележа и теледебилизации девяностых, наживы и «демократии» нулевых, а дальше «феерических» этих цифровизаций и оптимизаций, – не более ли он ветх?..» Пушкин и Гоголь с портретов – и даже Ленин с Мичуриным – они еще здесь! – одобрительно улыбаются.